

ОБРАЗ ЮРОДИВОГО В РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫХ ИСКАНИЯХ

Л.Н. ТОЛСТОГО

Вячеслав ДОЛГОВ

Бельцкий государственный университет им. Алеку Руссо

În articolul de față este explicat rolul pe care îl joacă și locul pe care îl deține chipul *iurodivyi* în povestirea *Copilăria* și în eseurile moral-religioase ale lui L. Tolstoi.

The given article deals with the role and the place of the Holly-Fool in the story «Childhood» and religious and spiritual worldviews of L.N. Tolstoi.

В истории русской классической литературы XIX век можно назвать наиболее щедрым на многочисленные и многообразные варианты осмысления феномена древнерусского юродства.

Образ юродивого занимает особое место в прозе Л.Н. Толстого. Есть основания считать, что осмысление парадигмы этого парадоксального вида подвижничества, его философских основ, роли юродивого в обществе было одним из важных направлений духовных исканий писателя, обусловленных, естественно, не исключительно художественными интересами. Толстой воспринимал юродство как один из возможных путей спасения*. Понимание юродивого как особого типа высшего развития личности и внутреннее стремление походить на этот идеал выливались в поступках графа Толстого, вызывавших неоднозначную оценку окружающих. Ряд исследователей творчества писателя, например Есаулов, склонны усматривать в последних годах его жизни содержательные элементы канонического юродства. А.Д. Мережковский называет юродствованием, глубокой иронией отречение от поместья, в котором, однако, продолжает жить Л.Н. Толстой, братание с крестьянами, для которых он все же остается хозяином. Минуя проблему эволюции религиозно-нравственных воззрений Л.Н. Толстого, попыток его взаимодействия с миром через юродство, обратимся к одному из ранних произведений – повести «Детство», – где нашел преломление этот феномен, свойственный национальному русскому духу.

Несмотря на то, что именно на Руси феномен юродства получил необычайное развитие, с XVIII века церковь перестала видеть в нем особый вид духовного подвига. Поэтому во времена Толстого юродивых воспринимали обычно как «безумцев, божевольных дурачков». Сам писатель воспринял юродство иначе, ощутив с детских лет в этом явлении глубокий христианский дух.

Данная форма спиритуальной жизни характеризуется, прежде всего, духовным, нравственным самоумалением, «аскетическим попранием тщеславия». «В этом смысле, – пишет Г.П. Федотов, – юродство есть притворное безумие или безнравственность с целью поношения от людей» [1, 200]. Специфичное юродству осмеяние мира рождается из столкновения христианской истины и светской правды. Юродивый сталкивает истинное и мнимое, высшее и мирское, духовное и плотское, показывая полную их несовместимость и непримиримость. Он борется со злом за истину высшего порядка путем «посмеяния мира». Нравственное самоумаление (притворная безнравственность) и осмеяние мира – эти две ключевые черты юродства – стали вехами духовного развития Льва Толстого. И, что немаловажно, они сыграли самую непосредственную роль в осмыслении им принципа непротivления злу насилием. Поэтому появление юродивого странника Гриши в повести «Детство», отражающей путь духовно-нравственного становления автобиографического героя Николеньки, неслучайно.

Воспроизводя парадигму феномена древнерусского юродства, Толстой движется от внешнего к внутреннему. В V главе «Юродивый» это явление рассматривается как форма выражения общественного протеста, с такими традиционными чертами этого вида подвижничества, как аномальность, внешняя и поведенческая выразительность, зрелищность. За счет подробной портретной характеристики (объединяющей традиционные элементы с индивидуально-авторскими) «статус» вошедшего

* Так, в 1877 г. он писал Н.Н. Страхову после посещения Оптиной Пустыни: «Если бы я был один, я бы не был монахом, я был бы юродивым, т. е. не дорожил бы ничем в жизни и не делал бы никому вреда».

в комнату человека обнаруживается сразу: «В комнату вошел человек лет пятидесяти, с бледным, изрытым оспою продолговатым лицом, длинными седыми волосами и редкой рыжеватой бородкой... На нем было надето что-то изорванное... Он из всех сил стукнул им (*посохом* – прим. автора) по полу и, скривив брови и чрезмерно раскрыв рот, захохотал самым страшным и неестественным образом Он был крив на один глаз, и белый зрачок этого глаза прыгал беспрестанно и придавал его и без того некрасивому лицу еще более отвратительное выражение... Голос его был груб и хрипл, движения торопливы и неровны, речь бессмысленна и несвязна (он никогда не употреблял местоимений)...» [2, 25]. Здесь представлены внешние характеристики, совпадающие с чертами канонического юродивого, именно они являются своеобразным следствием глубинных философских основ юродства, например, специфичного ему примата этического (над эстетическим). Поэтому «желтое уродливое лицо» незнакомца вызывало не отвращение, а смешанное чувство «сожаления, страха и грусти».

Традиционная двойственность в отношении к «святому безумцу» проявляется, но выражена неоднозначно. «Одни говорили, – признается повествователь, – будто он несчастный сын богатых родителей и чистая душа, а другие, что он просто мужик и лентяй» [2, 25-26]. С другой стороны, все в доме (за исключением *рара́*) воспринимали Гришу именно праведником (святым, а не безумцем), а это не соответствует образу канонического юродивого.

Юродство в данной части трилогии возникает как эпизодическое явление. Но, как и в «Борисе Годунове» А.С. Пушкина, открывшем в русской литературе нового времени галерею юродивых, его появление не случайно. Юродивый, как и в драме Пушкина, в повести является отнюдь не для воссоздания исторического колорита, объективной характеристики культурно-исторической обстановки. Его функции гораздо более значительны, к нему сводятся философские нити произведения.

Появление Гриши вполне закономерно, органично толстовскому восприятию детства. В образе Николеньки автор воплощает свою систему взглядов, особую мировоззренческую модель, которая указывает на возможность выбора, сделанного самим Толстым в 70-80-х годах (а юродивый, наряду с образами святого и мудреца, занимал особое место в ценностном ряду его учения). Подчеркнем, что Николенька – ребенок. Детскость становится у Толстого формой выражения поиска «самого себя», обновленного, «человеческого идеала». Она также значима как период безмятежного, бессознательного существования. Как и юродивый, Николенька связан с миром иррационального, внутреннего, поэтому отождествляется в известной степени со странником Гришей в способе мировосприятия. Поэтому попавший в непорочный детский мир юродивый становится своеобразным духовным «наставником» героя. И потому с такой теплотой и лиризмом автопсихологический* персонаж описывает подсмотренную ночную молитву юродивого, с таким чувством умиления вслушивается в нее. Позднее, возвращаясь в своих воспоминаниях к этой сцене «ночного бдения», Николенька признаётся: «впечатление, которое он (*юродивый* – прим. автора) произвел на меня, и чувство, которое возбудил, никогда не умрут в моей памяти». И восклицает: «О великий христианин Гриша! Твоя вера была так сильна, что ты чувствовал близость бога, твоя любовь так велика, что слова сами собою лились из уст твоих – ты их не поверял рассудком... И какую высокую хвалу ты принес его величию, когда, не находя слов, в слезах повалился на землю!..» [2, 44]. Среди нескладных, но трогательных слов молитвы, перемежаемых тяжелыми вздохами и рыданиями, Толстой впервые с особой отчетливостью уловил слова юродивого: «Боже, прости врагам моим».

Чем же так поразил ребенка нескладный и убогий странник? Очевидно, великим уроком истины и духа. Впечатлительная натура мальчика оказалась обожженной сиянием божественного в тех актах доброты, смирения и всеобъемлющей любви, свидетелем которых он стал. Живое, неподдельное общение Гриши с Богом открывает перед Николенькой простой и понятный духовный мир, для приобщения к которому не нужны особые знания. Так, «живым воплощением» обозначенных выше бытийных категорий, помимо татапа, Натальи Савишны (наделенных чертами праведности) стал для Николеньки и юродивый странник, также оказавший существенное влияние на формирование его духовно-нравственного облика.

* Обращаясь к воспоминаниям, написанным Толстым в 1900-1908 гг., А. Б. Тарасов (Что есть истина? Праведники Л. Толстого. М, 2001, стр. 40) указывает на «основные сведения о праведниках времени детства Толстого». Интересно, что в данном отрывке воспоминаний речь идет исключительно о юродивых: «По словам Толстого, в 1830-х гг. в их доме останавливалось много юродивых, высоких своим смирением и незлобием... Поражала детскую душу Толстого и глубокая, искренняя и простая молитва «не юродивого, а дурочка», помощника садовника Акима, говорившего с Богом как с живым лицом».

Толстого привлекала свойственная лишь юродивым непосредственная близость к Богу, не скованная церковными догматами и правилами. Это дает основания рассматривать повесть «Детство» как начало становления Толстого-писателя и Толстого-философа, создавшего особую этику любви. Толстовская онтология любви восходит к Евангелию. Любовь – вот высший смысл бытия и его мощь. И в каждом акте Любви человек оказывается тождественным Богу, тогда как в природе этого Бога, тождественного Любви, раскрывается подлинная человечность – всеединство человечества [3, 99]. Связь образа Гриши с концептом любви содержательна и важна, поскольку юродивый совершает свой «сверхканонический подвиг» ради ближних. Вспомним, что сам писатель определяющей мыслью «Детства» считал именно любовь к Богу и ближним. Происходящие в повести события пропускаются сквозь призму восприятия мальчика, который поступки окружающих также склонен объяснять добротой и любовью, переполняющих его.

Впоследствии Толстой уведет своего героя от юродства (по целому ряду мировоззренческих причин). Но с Николенькой останется духовный поиск, тонкая душевная организация, сформировавшаяся в детстве.

Можем сделать вывод: образ юродивого, помимо явления истинных добродетелей «великого христианина», способствовал формированию идейно-тематического своеобразия повести в целом. Этот образ не только выступает духовным ориентиром на пути становления личности Николеньки, но и вовлекает его в этом процессе поиска в бытийную сферу, выступает средоточием тех ценностей, без которых понимание религиозно-нравственных исканий Толстого невозможно.

Литература:

1. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. - Москва, 1990.
2. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 22 томах. Т.1. - Москва: Художественная литература, 1978.
3. Давыдов Ю. Макс Вебер и Лев Толстой. К проблеме соотношения этики убеждения и этики ответственности // Вопросы литературы. - 1994. - №1.

Prezentat la 04.04.2008